

Равочкин Никита Николаевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарно-правовых
дисциплин
Кузбасская государственная
сельскохозяйственная академия
Россия, Кемерово
nickravochkin@mail.ru

Nikita N. Ravochkin

Candidate of philosophical sciences,
Associate professor of Humanities and Legal
Disciplines Department,
Kuzbass State Agricultural Academy
Russia, Kemerovo
nickravochkin@mail.ru

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ АЗИАТСКОГО
РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ДИНАМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ**

**POLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE
ASIAN REGION POST-SOVIET COUNTRIES
BASED ON NATIONAL IDEAS DYNAMICS**

Аннотация

Статья продолжает начатые автором исследования, посвященные политико-правовым трансформациям в современном мире. Целью статьи является комплексный анализ фактов политико-правовых трансформаций в азиатском регионе, а именно – в постсоветских государствах. В исследовании применялись общенаучные методы, а также междисциплинарные подходы. Принимая в качестве объекта политико-правовые трансформации, а также обращая внимание на отсутствие жизнеспособных интеллектуальных для оформления современной политики и права в духе глобализации и мировой политики, автор в качестве предмета выбирает динамику национальных идей. В результате исследования было выявлено характерные черты политико-правовых трансформаций в данном регионе, детерминированные динамикой национальных идей.

Ключевые слова:

политика, право, трансформации,
постсоветские страны, национальная идея

Abstract

The article continues the research initiated by the author on political and legal transformations in the modern world. The aim of the article is a comprehensive analysis of the facts of political and legal transformations in the Asian region, namely in the post-Soviet states. The study used general scientific methods, as well as interdisciplinary approaches. Taking political and legal transformations as an object, as well as paying attention to the lack of viable intellectuals for formalizing modern politics and law in the spirit of globalization and world politics, the author selects the dynamics of national ideas as an object. As a result of the study, the characteristic features of political and legal transformations in this region, determined by the dynamics of national ideas, were identified.

Keywords:

politics, law, transformations,
post-Soviet countries, national idea

Понять особенности политических происходящих в современном мире процессов в сопряжении острыми конфликтами, угрозами и вызовами, с которыми сталкиваются сегодня отдельные страны и глобальный социум, представляется невозможным без понимания идейного базиса. Он лежит в основе строительства национальных обществ, отдельных государств, идеологий, которые воплощают особенности мировосприятия, мировоззрения отдельной личности и целых

национальностей и определяют особенности функционирования всех аспектов жизнедеятельности этих национальных сообществ.

Современная научная литература предлагает множество подходов к пониманию сущности идей. На основании детального анализа дефиниций в более ранних наших публикациях применительно к политико-правовой сфере идею можно определить как некоторое представление об идеальном устройстве общества и государства, противопоставленное современному состоянию. Идеи характеризуются высоким деятельностным началом, мотивируя социальных акторов к достижению этого идеала, к преодолению существующих недостатков.

Если о роли идей в России, США и странах Европы написано достаточно много, то значение идей в государственном строительстве регионов Азии, Африки, Южной Америки, Австралии пока еще остаётся практически неизученным. Между тем в условиях становления многополярного мира, усиления взаимодействия между странами, нивелирования границ между нациями, усиления их транспарентности, непонимание, недостаточно полное понимание национальных идей, особенностей функционирования политико-правовых институтов, основанных на данных идеях, может привести к деформации международных взаимодействий. Само политическое поведение обосновывается, прежде всего, воздействием психологического импульса, понятия которого в народе объединяются в понятия политического долга, недовольства существующим политическим курсом, недостатком информации. Кроме этого, дополнительная проблематика наблюдается в связи с усилением конфронтации между представителями различных социокультурных моделей. Соответственно, возникает противоречие между усилением взаимодействия между национальными государствами, их политико-правовыми институтами и недостаточным уровнем понимания идейного базиса, обуславливающего особенности функционирования и подтверждающих актуальность и перспективность проведения идейно-ориентированных исследований. Целью данной и будущих работ можно обозначить проведение комплексного междисциплинарного анализа особенностей трансформаций идей и идейного обоснования политико-правовых институтов в различных странах мира, результатом которого станет постижение предельных оснований социального бытия.

Для начала следует привести характеристику азиатского макрорегиона с акцентом на постсоветские государства: «В условиях глобализации и развития новых

экономических отношений, происходит перелом в психологии и идеологии обществ стран Центральной Азии. В политическом аспекте идеологии национализма, космополитизма и нигилизма, которые берут начало от идеологического и религиозного сознания человека, используются для исламизации экстремизма и терроризма в регионе. При этом некоторыми политическими силами важная роль отводится идеологии национализма в формах панисламизма, пантюркизма, паниранизма и других "измов", игравших определенную роль в политической борьбе различных сил и создании основы конфликтов в Центральной Азии.

События конца XX века в Центральноазиатском регионе, в том числе в Таджикистане и в России показали, что политизированный ислам в форме панисламизма и пантюркизма становится причиной конфликтов и в различных формах экстремизма приводит к нарушению прав и свобод человека. Эти идеологии, с учетом глобализационных процессов в регионе, будут востребованными вновь и вновь, тем более учитывая появление все новых и новых игроков, использующих ислам и сопутствующие ему идеологические и политические концепции для достижения цели в регионе» [5].

Наиболее полно идейное обоснование сущности политико-правовых институтов в государстве Таджикистан представлено в позициях руководства и руководством национальной идеей [4]. Власть признаёт ее изначальность и вплетение во все сферы общественной жизни, подчёркивая, что она родилась вместе с языком, «безотносительно к формированию общенационального рынка и наступлению индустриальной эпохи - этим фактически главным предпосылкам появления нации» [13, с. 160].

Философско-исторический и политико-философский анализ позволяет сделать выводы, что наибольший расцвет национальной идеи приходится на время правления династии Саманидов («мусульманский Ренессанс»). Изначально в структуре национальной идеи выделялись «политический» и «духовный» аспекты, а ее формирование и укрепление даже вопреки идеологическому давлению Э. Рахмон связывает с именами «Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сино, Беруни, Носира Хусрава, Хайяма, Санои, Аттора, Саади, Хафиза, великого Мавлоно» [4]. Стоит также указать, что основу таджикской государственной идеи составляют такие принципы как «единство, сплочённость, национальное самосознание и самопознание, укрепление государственности и процветание Родины» [4].

Таким образом, говоря о национальной идее Таджикистана как основе сущности и функционирования политико-правовых институтов, можно сделать следующие выводы:

1. Истоки национальной идеи, основания государства таджики видят в трудах философов периода мусульманского Ренессанса, X-XII вв.

2. Точкой отсчёта в новейшей истории развития государства и национальной идеи принято считать принятие государственного языка.

Любопытен следующий момент. При таком подходе из процесса исторического дискретного развития национальной идеи и формирования политико-правовых институтов выпадает длительный, почти восьмивековой, временной период. И хотя такая логика направлена на «максимальное укрепление связи между поколениями, попытки связать воедино противоречивые периоды собственной истории, не касаясь спорных вопросов, и общую деидеологизацию истории» [13, с. 160-161], она попросту игнорирует саму данность и вечность институционального функционирования, поскольку институты не могут функционировать в вакууме и представлять собой «застывший на века» феномен.

Схожая тенденция поисков истоков национальной идеи в далёком прошлом прослеживается сегодня и в Узбекистане, где становление государственности, нации как таковой связывают с именем полководца и государственного деятеля Амира Тимура, построившего «великое и мощное государство в Туркестанском крае» [13, с. 161]. Формирование государства и национальной идеи в Грузии относят к периоду между X и XIV вв., когда *Грузия представляла собой объединённое политическое и культурное пространство, в рамках которого сформировалось самосознание грузинского народа* [15, с. 18].

Сущность национальной идеи в Азербайджане наиболее ярко выражена в речи И. Алиева: «Веками азербайджанский народ жил в составе других стран, империй, а в некоторые периоды — как колония, но он сумел сохранить свою национальную самобытность, национальный дух, родной язык; национальное государство было построено на этой прочной основе» [1]. Генетические истоки национальной идеи в этой стране относят к периоду Империи Сефидов, в которой «азербайджанские турки составляли военную и политическую элиту, сохраняя за собой статус основной опоры государства» [10]. Дальнейшее развитие национальной идеи в этом азиатском государстве относят к периоду Нового времени, когда государство было включено в

состав Российской империи, и связывают с именами Аббаскулиага Бакиханов, Мирза Казимбек, Мирза Фатали Ахундов и др., которые посредством приобщения к передовой русской и европейской культуре «стояли у истоков этнического пробуждения населения Северного Азербайджана» [9].

Р. Мехтиевым выделены следующие этапы развития национальной идеи в Азербайджане:

1 этап: 1825-1878 гг.: включение страны в состав Российской империи, приобщение к русской и европейской культуре;

2 этап: 1875 г.-начало XX в.: учреждение первой мусульманской газеты на азербайджанском языке «Экинчи» («Пахарь»), заложившей основы формирования национального самосознания. Кроме этого, стоит отметить первые попытки связать азербайджанскую идентичность с тюркским самосознанием [8];

3 этап: 1905-1918 гг. (период завершается падением Закавказского Сейма): появление первых политических партии, активно участвующих в процесс «пробуждения народа», что выражается через обращение к формированию национального сознания и приобщения к ценностям европейской цивилизации. Господство в общественном сознании идей тюркизма побуждает азербайджанскую элиту обозначить «конечную» для национальной идеи цель, ориентированной на создание национально-территориальной автономии в составе Российской империи;

4 этап: 1918-1920 гг.: провозглашение Азербайджана независимым государством, когда «дата 28 мая 1918 года впервые стала символом воплощения в жизнь азербайджанской национальной идеи, за торжество которой боролись лучшие сына народа» [9]. В качестве основных достижений данного периода следует назвать оформление основных понятий: «нация», «государство», «национальное достоинство» и др.;

5 этап: 1920-1988 гг.: забвение национальных интересов в связи с усилением влияния коммунистической идеологии;

6 этап: 1988-1990 гг.: «пробуждение» азербайджанского народа для активного участия в политических процессах [9];

7 этап: 1990-1993 гг.: осознание и обретение национальной независимости;

8 этап: 1993 г.-по сегодняшний день: самостоятельное государственное бытие и установление общественно-политической стабильности [9].

Методически верным и более удобным для установления закономерностей и связей ознакомиться и с периодами развития национальной идеи в других азиатских государствах, поэтому отмечаем перспективность разработки авторских моделей их периодизации. Итак, в странах Азии поиски истоков национальной идеи относятся к древнейшим временам, охватывая периоды создания на территории современных стран древнейших государственных образований. Ученые этих стран ищут исторические символы, которые бы смогли обеспечить им навигацию во времени. В то же время, поиски генетических истоков национальной идеи, обоснования собственной государственности в далёком прошлом, по словам ряда исследователей, слишком переценено. Безусловно, и понимание наследия опыта тюркских племен крайне важно для понимания истоков формирования национальной идеи, к примеру, Казахстана, однако, этот же опыт может быть применен для объяснения истоков и истории формирования *политико-правового институционального устройства любого евразийского государства, включая Венгрию, Китай, Иран, Россию, Турцию и даже Корею* [16, р. 19].

Более того, в процессе поисков генетических истоков собственной национальной идеи и государственности как инструмента защиты интересов, в большей части современных азиатских стран, по мнению Б. Эргашева, забывают о том, что понятия «идея» и «интересы» с коннотатом «национальный» могут быть сформулированы лишь государством [13, с. 161]. Соответственно, говорить о формировании национальной идеи в эпоху «мусульманского Ренессанса» или же во времена включения страны в состав более могущественных государств и империй представляется невозможным по причине отсутствия национального как такового.

Впоследствии особенности исторического развития, завоеваний и включения территорий современных азиатских государств в состав своих более влиятельных и могущественных империй не позволяют говорить о формировании национальной идеи в силу отсутствия независимых и самостоятельных наций. Более того, формирование политико-правовых институтов в странах региона осуществлялось не на основании национальной идеи, но в соответствии с идеями империи как более мощных государств, в состав которых была включена та или иная современная нам азиатская страна. Так, в период СССР формирование политико-правовых институтов осуществлялось в синтезе с идеями коммунизма, социализма, атеизма, которые на тот период разделялись, если не всеми, то многими социальными группами

национальных сообществ. Мехтиев подчёркивает, что «под давлением Советской России правительство Азербайджанской Демократической Республики вынуждено было 28 апреля 1920 г. передать власть азербайджанским большевикам, которые провозгласили в Азербайджане советскую власть, полностью попав в подчинение большевистской России» [9]. Соответственно, именно интеллектуальные конструкты коммунизма становились на этот период национальной идеей и обоснованием сущности политико-правовых институтов.

Говоря о постсоветских странах макрорегиона Азия, можно сделать вывод, что формирование национальной идеи и политико-правовых институтов осуществляется именно сейчас, поскольку мы наблюдаем трансформационные процессы, связанные с рецепцией и внедрением передовых и собственных идей в социосфере каждого государства, что и создает дополнительные трудности. Аналогичное мнение высказывают и другие ученые. В частности, Э. Марат полагает, что оформление национальной идеи в этих странах азиатского региона невозможно в досоветский период по причины разнообразия и разобщённости этнических и религиозных, составляющих население региона [16, р. 16]. Е. Байдаров подчёркивает, что «только современное государство с соответствующим уровнем материального благосостояния, образования и культуры, науки и техники, нравственности и просвещения может сформировать общество, имеющее политически выраженную национальную идею» [3]. Отсюда следует, что говорить о национальной идее можно только при достижении определённого уровня развития общества, способного спроектировать и артикулировать ее в политическом выражении, что уберет фактор неопределенности в функционировании политико-правовые институций, способных отражать эту идею и защитить её.

Выявленная сущность национальной идеи как специфического мыслительного конструкта отражает представление личности или сети интеллектуалов о желаемом и совершенном социальном устройстве. Постсоветская Азия обращает на себя внимание, что мы имеем дело не столько с национальными идеями, сколько со слоганами: «Наш дом – мир, наш очаг – Армения», «Борьба сегодня же» и «Тбилиси – наш дом» (Грузия), «Туркменистан – наш общий дом!», «Узбекистан – государство с великим будущим!». Эргашев достаточно критично оценивает их, полагая, что они представляют «концентрированное выражение экономических, политических, социальных, духовных целей» [13, с. 163]. В этих слоганах он также отмечает

следующие недостатки: игнорирование установок на противодействие негативным тенденциям (декларативность); констатирующий характер, не учитывающий недостатки институционального устройства государства; патетичность; изолированность от национальных идей других государств; упрощенность [13].

По сути, подобные формулировки представляют собой лишь некоторую квинтэссенцию. Их достаточно легко запомнить и гарантировать трансляцию на общество, однако, вряд ли указанные слоганы способны схватить все национальное мировосприятие. Под сомнение можно поставить и достаточность их действенного потенциала, направленного на индивидов и группы, а следовательно, скепсис проявляется и к безоговорочности индивидуальных и коллективных действий во благо собственной родины и государства. Иначе говоря, эти и подобные им слоганы не могут рассматриваться как национальная идея, поскольку они не отображают особенности народного мировосприятия о лучшем устройстве социума, не обладают деятельностной силой, не мотивируют личность к реализации определённых действий, которые позволят достичь этого «идеального» государства. Подобные изречения чаще всего формируются политическими силами и идут «сверху». В западном понимании такие лозунги могут маркироваться как один из вариантов аномии, которая «может развиваться только в том случае, когда быстрые социально-экономические трансформации нарушают устоявшийся порядок в общественном устройстве» [7]. Объясняем это «классической схемой», а именно – тем, что национальные идеи, способные поднять общество на свершения, революционным или эволюционным путем, как правило, идут «снизу» и вызревают в рамках глубинах коллективного сознания и бессознательного. Действительно, идея, выстроенная на модернизацию общества, сперва генерируется интеллектуалами, а уже затем подхватываются большинством членов индивидов. В сложившейся ситуации очевидным становится, что сегодня витально необходимо «изменить стратегию и тактику идеологической индоктринации, то есть перейти от призывов, пустых мечтаний и “грез” к четким социальным, педагогическим, психологическим методам» [3].

Можно сказать, что оформление национальных идей в странах постсоветской Азии сегодня находится на этапе своего развития. Так, в Азербайджане сегодня провозглашается необходимость создания сильного государства, укрепление сплочённости народа, создание устойчивой экономики на основании национально-духовных ценностей [1]. Власть провозгласила курс на «универсальность,

человечность, гибкость и естественность», что отличает её от других стран региона, включая Армению, которая остаётся этнически единой, что затрудняет её развитие [14, р. 77]. Как видим, в данном аспекте национальная идея Азербайджана («Azerbaijanism») изначально основывается на противопоставлении нации другим странам региона, прежде всего, – Армении, позволяя заметить некоторые сходства с Украиной, противопоставляющей себя России. В обоснование национальной идеи изначально закладывается негативное отношение к соседям: «некоторые силы в Армении глубоко заражены этноспецифическим синдромом, который является сочетанием болезненных признаков, связанных с нарушением сознания и поведения» [9]. Подобные заявления свидетельствуют не столько о создании национальной идеи, сколько с проявлением признаков крайнего национализма, с его этнической, культурной нетерпимостью, приводя к отчетливому проявлению векторов радикального национализма [2]. Ещё более угрожающим выглядит следующее заявление: «Армяне выстроили свою искусственную государственность на исторических азербайджанских территориях, создали мононациональную страну» [9]. По сути, эта цитата выражает сомнения в армянской государственности Армении, подчёркивая, что она фактически создала своё государство на «исторических азербайджанских территориях», соответственно, в массовое сознание внедряется идея о незаконном присвоении армянским государством чужих территорий. Указанные сочетания языковых единиц, разумеется, могут объединить общество и государство на основании «общего врага». В то же время, они же могут привести к появлению очередных конфликтов, ввести государство в состояние войны, которое неизменно сопровождается экономическим и культурным упадком, и, как следствие, не соответствует представлениям личности об идеальном устройстве общества и государства, не соответствует самой сути национальной идеи. Сама история в таких случаях перестаёт быть исключительно областью научного познания, но пишется и переписывается, превращается в государственный инструмент развития национализма в стране и обществе [16, р. 19].

В Туркменистане новая идеология в качестве базовых принципов определяет социальную справедливость и миролюбие. Влияние новых интеллектуальных конструктов в экономической сфере задает властям стремление выхода на рыночные отношения; в социальной и политико-правовой сферах руководство страны нацелено на реализацию идей построения светского и правового государства, заботящегося о

защищенности своих граждан и сохранении культурной самобытности с учетом глобальных трендов. В этом государстве выработка национальной идеи основывается на признании необходимости «принять все самое лучшее из мировой практики, лучшие достижения мировой цивилизации и собственного опыта, накопленного за годы независимости» [13, с. 166]. Хотелось бы отметить, что в большинстве современных стран Азии идейное обоснование политико-правовых институтов базируется на понимании необходимости синтеза универсальных и национальных аксиологических модусов, что существенно отличает эти страны от России, в которой выработка национальной идеи основывается на «базовых морально-нравственных ценностях, выработанных народом России за более чем тысячелетнюю свою историю» [6].

В свою очередь Армении формирование новой национальной идеи основывается на создании единства вокруг национальной армянской идентичности. Более того, эта идентичность должна «отказаться от языковых, религиозных, культурных, партийных или идеологических разделений»; её фундаментом должна стать терпимость и многообразие [12]. В центре армянской идентичности помещаются «человек, свобода и право», эти же ценности должны стать основой нового государства [12]. Вдобавок огромная роль в создании идеи трансформирующегося сейчас государства и формировании национальной армянской идентичности отводится Армянской Апостольской Церкви, «которая должна оставаться одной из основных опор армянского духа и национальной самобытности» [11].

Далее обозначим, что общенациональная идея Таджикистана – представляет собой «нравственное явление, формирующееся на основе осознания национальных интересов», «определяющее не только «деятельность государства и государственных структур и органов, но и основные направления деятельности граждан» [13; с. 165]. Тогда как в основе национальной идеи Казахстана («kazachstanism» [14; р. 78]) лежит следующий желание стать лучшей среди постсоветских стран, что становится возможным при соблюдении ряда условий [9]:

- 1) Подчеркивание собственного суверенитета;
- 2) Построение конкурентоспособной экономики;
- 3) Укрепление единства народа;
- 4) Развитие интеллектуальных сетей в рамках всего казахстанского общества;
- 5) Себя-позиционирование как сильного государства в мировых масштабах.

Отметим также постулаты национальной идеи грузинского государства, выделенные Г. Нодия [17; р. 94-95]:

1) Грузия является национальным государством и выступает единственно приемлемой политической основой развития для грузинской нации;

2) Европа или Запад выступают источником дальнейшей идентичности как образец для подражания и предполагаемый стратегический партнёр и союзник;

3) Россия – это соседняя страна, с которой у Грузии должны быть дружественные отношения, но на самом деле Российская Федерация выступает главным противником, который стремится подорвать грузинское государство путём обострения внутренних проблем;

4) Грузия – толерантная страна, которая терпимо относится к культурным и этническим меньшинствам, которые проживают на территории страны, однако, требует от них лояльного отношения к национальному грузинскому проекту [17].

Иначе говоря, Грузия выстраивает свою государственность на основании подражания странам Запада, заимствуя идейное обоснование политико-правовых институтов, которое создано в рамках европейской культуры. Тем не менее, это несет в себе значительные риски, поскольку может быть копировано вслепую и без учета социокультурного контекста.

Некоторые из зарубежных исследователей, в чем мы с ними солидаризуемся, утверждают, что в основе разрабатываемых национальных идей в странах постсоветской Азии, лежат следующие стратегии: внутреннего и геополитического развития, а также национальной безопасности национального развития [14]. В свою очередь это предполагает первоначальное смещение акцента на экономический аспект функционирования общества, совершенствование механизмов и институтов рыночной экономики, которые бы способствовали повышению благосостояния населения. Такой «примат экономического» объясняется достаточно просто: «любая идея, какой бы благородной она ни была, останется лишь пустым звуком, поскольку людей ею не накормишь» [3]. Идея может приобрести действительную силу лишь в том случае, если она отвечает настоящим потребностям социальных групп и вполне логично, что в ситуации социально-экономического кризиса потребности третьего и высшего порядков (по Маслоу) зачастую уходят на второй план. Вместе с тем, подобное обоснование национальной идеи бесперспективно в историческом

плане, поскольку «призывы к комфортной и сытной жизни — не может быть национальной идеей» [13, с. 166].

Тем не менее, в большинстве постсоветских государств азиатского региона формирование компонентов национальных идей осуществляется в соответствии с демократическими принципами. Например, сюда относятся идеи разделения властей, равенства и братства, разработанных в рамках европейской культуры. Соответственно, ситуация выработки идеологических конструктов в данных государствах, как, впрочем, и в России существенно затрудняется «неразвитостью демократических свойств и качеств массового политического сознания граждан», что «препятствует развитию политических институтов, новых форм общественных отношений и в целом негативно сказывается на процессе формирования политической культуры общества»[3]. Кроме того, в качестве составляющих следует отметить и полное отрицание идеологии коммунизма и вплоть до самого пребывания государства в составе Российской империи и, впоследствии – в СССР. Подобная избирательная «амнезия», по словам Э. Марата, помогает лидерам азиатских стран *про(из)водить прагматическую адаптацию нарративов о далёком прошлом в собственных интересах* [16, р. 24].

После распада СССР в большинстве азиатских стран, входивших в его состав, вернулись традиционалистские ценности, которые в отдельных случаях превзошли даже те, которые наблюдались в досоветский период, включая радикализацию религиозных практик, усиление консерватизма, подчеркивание этнической, культурной и религиозной самобытности. В политической сфере традиционализм проявлялся через достижение государственных должностей посредством использования неформальных связей. Политические партии, лидеры строили свои кампании, руководствуясь консервативными практиками. Традиционализм в обществе служит *действенным инструментом для оперативного достижения поддержки, игнорируя при этом необходимость разработок жизнеспособных социальных, политических и экономических программ* [16, с. 22]. Разумеется, подобные политические и социальные практики представляются весьма далёкими от ценностей демократии. Вместе с тем влияние традиционализма и сегодня прослеживается в странах рассматриваемого региона, куда можно также отнести потребности в лидере, который бы стал воплощением «отца нации».

В поисках генетических истоков азиатские народы обращаются к периоду мусульманского Ренессанса либо появления на территории современных стран первых государственных образований. Длительный исторический период существования стран региона в составах других, более сильных и более могущественных, замалчивается. Процесс выработки новых идеологических конструктов сопровождается рядом затруднений. Прежде всего становление новых национальных идей и идейного обоснования осуществляется в современных условиях демократизации общества и становления рыночных механизмов. Другими словами, в условиях такого государственного устройства, которое генетически восходит к большинству мировых держав под влиянием идейного наследия мыслителей Нового времени (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Ш. Монтескье). Более того, подобное устройство общества воспринимается как данность, как единственно возможное и приемлемое. Соответственно, в силу исторических особенностей развития стран региона на данный момент существования и функционирования политико-правовых институтов стран Азии они основываются на универсальных, общепринятых ценностях свободы, равенства, частной собственности, выработанных в рамках европейской культуры. По сути, указанные идеи являются заимствованными, поскольку привнесены извне. На протяжении длительного временного периода идеи демократизации общества обладали привлекательностью по причине высокой успешности стран, политико-правовые институты которых основывались на данном идейном обосновании. Однако в последние годы кризис, с которыми столкнулись европейские страны, приводит к пересмотру значимости и успешности «заимствованных» идей, в результате чего постсоветские страны Азии ориентированы на синтетические модели государственного устройства. В связи с этим интенсифицируются процессы поисков собственных уникальных интеллектуальных конструктов, которые позволят учитывать успешный мировой опыт с особенностями национальной ментальности. Указанный процесс сталкивается с рядом существенных затруднений, но, несмотря на это можно предположить, что в ближайшей перспективе мы столкнёмся с широким спектром общенациональных идей и, вероятней всего, региональных идеологий ввиду отмеченной культурной специфики. Однако в реалиях сегодняшнего дня спрогнозировать, каким будет содержание этих феноменов, и в какой степени они будут отражать национальное

миропонимание и осуществлять взаимодействие на мировой политической арене, все еще достаточно проблематично.

Список использованных источников

1. Алиев И. Речь на церемонии по случаю 87-й годовщины со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева и 6-летия начала деятельности Фонда Гейдара Алиева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.president.az/articles/43/print> (Дата обращения: 28.07.2019)

2. Аллахвердиев К. Национальная идея и национальная идеология в контексте устойчивости этнокультурной идентичности // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 3-4. С. 36-47.

3. В поисках национальной идеи для Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://camonitor.kz/31399-v-poiskah-nacionalnoy-idei-dlya-kazahstana.html> (Дата обращения: 28.07.2019)

4. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на праздновании 11-й годовщины Дня единства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.toptj.com/News/2001/01/18/vystuplenie_prezidenta_respubliki_tadzhikistan_emomali_rakhmona_na_prazdnovanii_11_y_godovshiny_dnya_edinstva (Дата обращения: 28.07.2019)

5. Национализм это оружие в политической борьбе <https://maxpark.com/community/5101/content/2289354>

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67870/ (Дата обращения: 28.07.2019)

7. Равочкин Н.Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного обществ: философский аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 2. С. 115-117.

8. Равочкин Н.Н., Тагиев С.М., Керимов М.С. Архетип и менталитет азербайджанского народа как подсознательные феномены поведения в современной социальной философии // В сборнике: Ключови въпроси в съвременната наука Материали за X международна научна практична конференция. 2014. С. 29-31.

9. Рамиз Мехтиев: «Азербайджанская национальная идея отличается своим содержанием, универсальностью, гуманностью, гибкостью и естественностью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.day.az/politics/299115.html> (Дата обращения: 28.07.2019)
10. Рамиз Мехтиев: К вопросу о проблемах научности исторического познания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/2137851.html> (Дата обращения: 28.07.2019)
11. Саргсян С. Выступление президента во время церемонии инаугурации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lragir.am/ru/2008/04/09/69/> (Дата обращения: 28.07.2019)
12. Саргсян С. Выступление Президента перед представителями американской армянской диаспоры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2008/09/24/news-18/> (Дата обращения: 28.07.2019)
13. Эргашев Б. Общациональные идеологии в независимых государствах Центральной Азии и Южного Кавказа: феномен, специфика, перспективы// Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – Т. 14. – № 1. – С. 159-170.
14. Ayoob M., Ismayilov M. Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus. – Routledge Advances in Central Asian Studies, 2017. – 212 p.
15. Levan Abashidze, entry in a discussion Mamuli, ena, sartsmunoeba (fatherland, language, faith), in Sakartvelo atastsleulta gasaqarze. – P. 18.
16. Marat E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2008. – 103 p.
17. Nodia G. Components of the Georgian National Idea: an Outline// Identity Studies In The Caucasus And The Black Sea Region. – 2008. – Vol. 1. – pp. 84-101.